

ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В. ШЕФНЕРА «ВАСИЛИЮ ТРЕДИАКОВСКОМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ»

В лирическом цикле из одиннадцати стихотворений «Василию Тредиаковскому посвящается» известного поэта и писателя советского периода Вадима Шефнера (1915–2002), созданном между 1958–1966 гг., получило отклик переосмысленное отношение А. С. Пушкина к литератору и филологу XVIII столетия, за которым при жизни закрепилась незаслуженная репутация «бездарного педанта», «неудачливого пиита».

Автор цикла – потомственный петербуржец, чьи предки служили на российском флоте со времён правления Алексея Тишайшего; его дед, А. К. Шефнер, считается основателем порта Владивосток. Вадим Сергеевич Шефнер неоднократно становился лауреатом литературных премий, в том числе Государственной премии России имени М. Горького (1985) и Пушкинской премии в области поэзии (1997). Для него, убеждённого в диалектической обусловленности прошлого, настоящего и будущего, имя Пушкина – из разряда тех имён, через которые проходит «высоковольтная линия дореволюционной российской поэзии», а у истоков её «свою работу <...> ведёт // На уровне червей могильных, // На линии грунтовых вод» Василий Кириллович Тредиаковский:

Он трудится, не зная меры,
Чтоб над мирской гордостью слёз
Свои торжественные стены
Дворец Поэзии вознёс.
И чем черней его работа,
Чем больше он претерпит бед, –
Тем выше слава ждёт кого-то,
Кто не рождён ещё на свет [1, с. 221–222].

Именно на трудолюбии Тредиаковского, учёного, переводчика и поэта, заострял внимание Пушкин в своих отзывах о нём, начиная с самых ранних, нигилистических. Например, в юношеском стихотворении А. С. Пушкина «К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...»)» (1816) В. К. Тредиаковский представлен как «стопосложитель хилый», а его произведения – как «груды <...> и прозы и стихов», «тяжёлые плоды полунощных трудов» [2, с. 152]. В эпиграмме «Там, где древний Кочерговский...» (1829), направленной против издателя журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовского, Пушкин, подразумевая под «древним Кочерговским» Тредиаковского, намекал на его переводы с французского тридцати томов «Древней истории» и «Римской истории» Ш. Роллена, «Истории о римских императорах» Ж.-Б.-Л. Кревье.

В более поздней неоконченной статье «О ничтожестве литературы русской» (1834) в ином, нейтральном, тоне упоминается о том, что Пётр I «угадал в бедном школьнике *вечного труженика* Тредьяковского» [3, с. 269]. Анекдот о якобы произнесённых Петром Великим в адрес представленного ему двенадцатилетнего школьника «всем известных словах» Пушкин включил (не приводя, между прочим, второй части легендарного высказывания: «... но мастер никогда») и в «Table-Talk» (1835–1836) с комментарием: «Какой взгляд! какая

точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?» [4, с. 169].

Об изменении взглядов А. С. Пушкина на личность и творчество Тредиаковского, произошедшем не без влияния А. Н. Радищева, в главной книге которого (а затем и в «Памятнике дактилохореическому витязю») подчеркнута заслуга «неутомимого возовика» перед русским стихосложением, свидетельствует статья <Путешествие из Москвы в Петербург> (1834). В ней Пушкин охарактеризовал создателя «Тилемахиды» наиболее полно и позитивно: «Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов. <...> Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского...» [3, с. 253–254]. Неудивительно, что во вступлении к «Медному всаднику» (1833) получила развитие мысль, впервые выраженная В. К. Тредиаковским в «Оде IV. Похвала Ижёрской земле и царствующему граду Св. С.-Петербургу» (1752) (ср.: «Прошло сто лет, и юный град, // Полнощных стран краса и диво, // Из тьмы лесов, из топи блат // Вознёсся пышно, горделиво...» [5, с. 135–136] – «Что ж бы тогда, как прѣйдет уж сто лет? // О! вы, по нас идущие потомки, // Вам слышать то, сему коль граду свет, // В восторг пришед, хвалить лет будет громки» [6, с. 180]).

В письме И. И. Лажечникову от 3 ноября 1835 г. после выхода исторического романа писателя «Ледяной дом» А. С. Пушкин заявлял: «За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он роль мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя» [7, с. 62]. Кстати, уже в одном из пушкинских «Примеров невежливости» («Тредиаковский пришёл однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова...») (1827) содержится близкое по смыслу замечание: «Тредиаковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского, но ода была не готова, и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного стихотворца» [3, с. 53].

Интересно, что в «Капитанской дочке» (1836) «Песенку» эпитона Сумарокова Гринёва его завистник Швабрин объявляет достойной «любовных куплетцов» своего будто бы «учителя» Тредиаковского. Тем не менее, фигура «оплошного стихотворца» не приобретает ореола «сниженности»: напоминание о противоборстве знаменитых литературных оппонентов в данном эпизоде лишь ярче высвечивает духовно-нравственное противостояние героев романа.

В. Шефнер подхватывает сочувственную настроенность зрелого Пушкина и, открывая цикл стихотворением «Восемнадцатый век, первая четверть», обозначает в нём ситуацию появления в России поэта – «пристального слуги», «проводника покорного» Музы, которая «так ещё бедна», «безгласна и слепа»:

И некто, слыша смутный зов,
Уйдёт из Астрахани дальней,

Он явится во град Петров –
Сей поводырь многострадальный.
Он Музе даст любовь и гнев,
Вдохнёт в неё своё дыханье.
Она прозреет и, прозрев,
Его пошлёт на поруганье [1, с. 219].

Очень точно называя Тредиаковского «поэтом нулевого цикла», особая миссия которого состояла ещё только в закладывании фундамента для постройки величественного Дворца Поэзии, В. Шефнер акцентирует драматизм судьбы зачинателя новой российской словесности, её «чернорабочего». «Он, сильный, – ниже всех бессильных» [1, с. 221], вынужден расточать похвалы, готов терпеть обиды и унижения, даже оказаться «в опале» за «огонь прозренья», что «вдруг блеснёт <...> в дифирамбической золе», за произнесённые вслух «слова тревоги и печали», что «жгут, будто уголья в горсти»:

В своей угодливости вязкой
Порою жалок ты пиит.
Но за одической маской
Взор прорицателя горит [1, с. 222].

В восприятии поэта XX века Тредиаковский – не только «прорицатель», но и «связной» между эпохами; «из прошлого <...> гонец», «словно будущим рождённый», шагающий навстречу поэтам грядущих поколений:

Он из былого, из былого
Спешит бесхитростный связной,
Неся неведомое слово,
Ещё не сказанное мной [1, с. 226].

Таким образом, солидаризуясь с пушкинской оценкой историко-литературной роли Тредиаковского, В. Шефнер в посвящённом ему цикле стихотворений рисует образ творца-первопроходца, который начинал прокладывать дорогу русской поэзии, ведущую «из тьмы низин до выси горной» [1, с. 219], самоотверженно, с беспримерным трудолюбием.

Литература

1. Шефнер, В. С. Собр.соч.: в 4 т. / В. С. Шефнер. – Л. : Худож. лит., 1991. – Т. 1. – 416 с.
2. Пушкин, А. С. Полное собр.соч.: в 17 т. / А. С. Пушкин – М. : Воскресенье, 1994. – Т. 1. – 463 с.
3. Пушкин, А. С. Полное собр.соч.: в 17 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996. – Т. 11. – 600 с.
4. Пушкин, А. С. Полное собр.соч.: в 17 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996. – Т. 12. – 588 с.
5. Пушкин, А. С. Полное собр.соч.: в 17 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996. – Т. 5. – 570 с.

6. Третьяковский, В. К. Избранные произведения / В. К. Третьяковский. – М.; Л. : Сов. писатель, 1963. – 577 с.

7. Пушкин, А. С. Полное собр.соч.: в 17 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1997. – Т. 16. – 532 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ